

**БЕРАЦЕЎСКИ
ХРАНОГРАФ**

Брэст
2002

1. АКСЕНОВА А.П. Короткі історичні наві...

Інститут історичних наук НАН України

Берасцейскі хранограф

Зборнік наукових прац

Выпуск 3

Брест

Выдавец С.Б.Лаўроў

2002

УДК 947.6
ББК 63.3 (4Бси)
Б 48

Берасцейскі хранограф: Зб. навук. прац. Выпуск 3. – Брэст: Выдавец С.Б. Лаўроў, 2002. – 404 с.

Рэцэнзенты:

Г.У. Карзенка – доктар гістарычных навук, прафесар
У.М. Міхнюк – доктар гістарычных навук, прафесар

Рэдакцыйная рада:

А.Ю. Бодак, А.М. Вабішчэвіч, Н.П. Галімава, У.В. Здановіч,
У.І. Нікіценкаў, Я.С. Разенблат, І.Э. Яленская, дацэнты, кандыдаты
гістарычных навук, Г.У. Несцярчук, дацэнт.

Падрыхтавана да выдання кафедрай усеагульнай гісторыі і гісторыі сусветнай культуры Установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Друкуецца паводле рашэння рэдакцыйна-выдавецкага савета Установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

У трэцім выпуску зборніка навуковых прац “Берасцейскі хранограф” навукоўцы Установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна», даследчыкі з іншых гарадоў Беларусі, а таксама Расіі, Польшчы, Літвы раскрываюць шматлікія аспекты гістарычнага развіцця Берасцейшчыны і ўсёй Беларусі ў розныя гістарычныя часы, знаёмяць чытачоў з цікавымі старонкамі гісторыі і культуры іншых народаў свету.

Выданне адрасуецца навукоўцам, настаўнікам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца айчыннай і сусветнай гісторыяй.

ББК 63.3 (4Бси)

© Выдавец С.Б. Лаўроў, 2002

© Калектыў аўтараў, 2002

ISBN 985-6677-05-X

4. Там же. Оп. 1с. Д. 29. Л. 27.
5. Суслов М.А. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук // Коммунист. 1962. № 3. С. 3
6. Пленум Центрального Комитета КПСС, 18-21 июня 1963 г.; Стеногр. отчет. М., 1963. С.45.
7. ГАБО. Ф. 1482. Оп. 1с. Д. 28. Л. 29.
8. Там же. Л. 33.
9. Там же. Д. 31. Л.Л.2, 19, 20, 22.
10. Там же. Д. 29. Л. 3.
11. Строго соблюдать законы о культах. М. 1964. С. 17.

Summary

N. Belous (Brest)

The State and the Church in the Period of N. S. Hrushchev's "Great Decade"

The article considers state policy to the church in the 50s – the beginning of the 60s of the 20th century. The role of ideological activists is shown. Considerable place is given to the interpretation of reorganization of management of Russian Orthodox parishes by the Holy Synod, which took place under the pressure of the Soviet state in 1961 and the actions against religion, the church and believers.

А.Н. Вабищевич (г. Брест)

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОБЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1920-30-е гг.: УНИАТСТВО НА ПОЛЕСЬЕ

Возрождение униатской церкви является новым явлением в конфессиональной жизни современной Беларуси. Хотя этот процесс, начатый еще в конце 1980-х гг., происходит в довольно сложных условиях, однако белорусские греко-католики с оптимизмом смотрят в будущее. И основанием для этого является увеличение, хоть и медленное, верующих, которые от дедов и прадедов сохранили униатскую веру и готовы её дальше возрождать. Уверенность им придают и конкретные примеры возрождения униатства в XX веке. Особое место здесь занимают попытки вдохнуть новую жизнь в униатство в западной части Беларуси в 1921-1939 гг.

Многие аспекты из истории униатства вызывали и продолжают вызывать теперь споры учёных мужей. Не является исключением и данная тема. Чтобы избежать тенденциозного изложения материала, попытаемся более взвешенно проанализировать истоки, ход, трудности неоунии на Полесье, используя различные исторические источники, в том числе и ар-

живные. Кроме того, попробуем выяснить, каковы были связи местных парафий, миссионерских центров с украинскими униатами. Затрагивая широкий круг вопросов, несколько не претендуем на всеобъемлимость и истину в последней инстанции.

Истинные приверженцы неоунии преследовали тогда основную цель – возродить и укрепить униатское движение. Правда, в ходе осуществления этой акции выявилось несовпадение интересов и целей. Важнейшей движущей силой стали католические священники, монахи-миссионеры. Однако и в среде католических иерархов были разногласия относительно механизма осуществления неоунии: одни требовали присоединения непосредственно к римско-католической церкви, другие (среди них и пинский бискуп З. Лозинский) выступали за двухобрядность, третьи – за создание католических парафий восточного обряда (1). В конечном итоге акцент был сделан на последней концепции. Безусловно, что Ватикан посредством неоунии стремился усилить влияние католицизма в Западной Украине и Западной Беларуси (2). В 1924 г. Ватикан наделил виленского, пинского, люблинского, луцкого бискупов правом открывать униатские парафии. Уже в сентябре 1924 г. иезуиты восточного обряда основали в местечке Альбертин возле Слонима (Новогрудское воеводство) миссию с новициатом. Альбертин превратился в крупнейший миссионерский центр. В том же 1924 г. недалеко от Слонима – в д. Гола – основана первая униатская парафия на западнобелорусских землях. На Полесье первой униатской стала парафия в Курашове (1925 г.).

Возможно, что униатская акция была бы более успешной, если бы не неудачная попытка львовского митрополита А. Шептицкого открыть в 1917 г. диацезию в Луцке. Её главой был назначен И. Ботян, которому предписывалось распространять униатство на украинских и белорусских землях (3). Из-за нежелания властей иерарх не приступал к работе. А после смерти И. Ботяна в 1921 г. диацезия была ликвидирована.

С самого начала у неоунии были и противники. Противодействие оказывали различные церковные, политические, этнические институты. Уже отмечалось, что католическая церковь поддерживала неоунию, хотя и использовала в своих интересах. Однако польские ксендзы выступали против пробуждения национального самосознания украинцев, белорусов и других народов II Польской республики. Не случайно, что вначале униатская акция имела внешне русский характер. Хотя в упомянутом Альбертине были верующие разных национальностей (русские, украинцы, поляки, белорусы, словаки, французы, болгары, румыны), которые не были безразличными к историко-культурному наследию местного населения, тем не менее общая направленность неоунии на русский характер считалась наименее безопасной. Реальное развитие униатского возрождения не

оправдало всех надежд его предводителей.

Многие польские политические партии, организации высказывались против неоунии. Неоднозначно относились к ней правящие круги Польши. Нередко звучали голоса об исходящей от неоунии угрозы сепаратизма, отделения западноукраинских и западнобелорусских земель. Польская администрация боялась роста национального самосознания непольского населения (4). Польские помещики, осадники, чиновники также проявляли неудовлетворение, ибо считали неоунию «антипольской демонстрацией», препятствием на пути колонизации «кресов восточных», что может привести к их потере (5). «Кресы восточные... это сфера нашей культурной экспансии и здесь, какие бы не были намерения униатского священника, они должны встретить наше решительное и резкое несогласие» (6). Таким образом, национальный эгоизм польского общества не давал шансов для успешного развития униатской акции в больших масштабах.

Против неоунии выступила и православная церковь. Она признавала униатов за еретиков, не одобряла политическую ориентацию, благосклонность униатской церкви к украинскому, белорусскому языкам. Православный клир осуждал униатство еще и потому, что видел в нём конкурента в пополнении доходов, претендента на церковные здания, имущество. Православная церковь не собиралась уступать позиции в своих традиционных регионах, среди них – на Полесье. В 1931 г. в Полесском воеводстве доля православных составляла в среднем 76,5%, в отдельных уездах (Кобринском, Дрогичинском, Столинском) достигала 81-85% (7). Созданный при Пинской епархии миссионерский комитет и его отделения в Бресте, Пружанах, Столине и других городах Полесья развернули активную антиуниатскую пропаганду. Сами православные священники были обязаны неуклонно следовать предписаниям церковных властей, пресекая всякие попытки оживления униатства. 13 апреля 1926 г. Полесская православная консистория указала церковнослужителям записывать крещёных детей от родителей, венчанных в униатском храме, как внебрачных. Священникам предписывалось разъяснять прихожанам, что венчанные в униатстве должны совершить это таинство вновь в православном храме, иначе их не будут считать состоящими в браке (8).

5 октября 1929 г. та же Полесская православная консистория издала следующий указ: «Винновны в бездействии и недоносительстве о появлении униатской агитации будут подвергаться строгой ответственности» (9). Такая реакция была вызвана развёртыванием униатства. Шовинистическая часть русского меньшинства поддерживала православную церковь в ее непринятии склонности униатства к украинскому, белорусскому языкам. Российское народное объединение через журналы «Русский голос» (Львов), «Наше время» (Вильно) и другие осуществля-

ло постоянные нападки на униатов.

Несмотря на все вышеуказанные препятствия, на Полесье до 1932 г. существовали относительно благоприятные условия для неоунии. В этом немалая заслуга пинского католического бискупа З. Лозинского. Он поддерживал постоянный контакт с украинскими греко-католиками. 25 декабря 1926 г. в письме ко львовскому митрополиту А. Шептицкому он просил оказать содействие в основании монастыря в местечке Городная. «В местности, которая называется Городная (Столинского уезда), на границе с Волынью, есть колония русинов, униатов (около 90 семей), что ходит очень далеко в костел. Это очень хорошее место для основания монастыря, более всего редемптаристов, хотя может быть подошли бы и студиты...» (10). До открытия монастыря дело не дошло, однако на следующий год в Городной была основана униатская парафия.

Пинск превратился в крупный миссионерский центр. Здесь регулярно проводились униатские конференции – в 1929, 1931, 1933, 1935, 1937 гг. Украинские униатские священники принимали в них самое активное участие. В мае 1931 г. по Полесью совершил путешествие видный деятель униатского движения на Украине Апостольский визитатор (с 1930 г.) бискуп Н. Чарнецкий. Его приезд широко афишировался униатами, были выпущены специальные воззвания, в которых призывали достойно встретить высокого гостя крестным ходом и колокольным звоном. Православный клир отреагировал на это ответным мероприятием – во всех местах, где останавливался Н. Чарнецкий, православный миссионер совершал богослужения, в проповедях критиковал униатство. 17 мая 1931 г. группа католических и униатских священников, среди которых были Н. Чарнецкий, З. Лозинский и другие, прибыла в местечко Янов Дрогичинского уезда для чествования святого Андрея Боболи, прозванного за активную пропаганду веры «пинским апостолом» (канонизирован папой Пием IX в 1853 г.). Православное епархиальное управление для отвлечения от этих торжеств верующих прислало из Пинска архиерейский хор, организовало богослужение с крестным ходом (11).

Украинские греко-католические священники вместе со своими белорусскими и польскими коллегами затрагивали во время работы конференций в Пинске различные вопросы теологии, культурологии, истории, взаимодействия восточного и латинского обрядов католичества и другие. Особенно необходимо подчеркнуть решения II конференции (1-3 сентября 1931 г.). Представительство на ней было внушительным – 98 священников. «2-я конференция униатов ... имеет необходимость подчеркнуть главенство натурального права и обыденной практики церкви, чтобы в богослужениях в униатских святынях употреблялся родной язык верующих: для поляков – польский, для украинцев – украинский, для белорусов –

белорусский, для русских – русский и т. д.» (12). При этом также указывались мотивы этого шага в сторону национальных чаяний населения. «Униатство несет с собой духовную пищу – Слово Божье – на том языке, с помощью которого может наилучше подвести к убеждению, ...поощрить к моральным поступкам его воли... Эта акция никакая не политика, а также не поиски такой популярности, это только понятная жизненная необходимость выполнения воли Спасителя, который наставлял учить «все народы» (13). Считаю, что решения этой конференции вызвали негативную реакцию со стороны польской администрации, что усложнило условия деятельности униатов.

Интересной была проблематика выступлений на IV униатской конференции, которая состоялась в Пинске 7-9 сентября 1933 г. Вот названия докладов: «Возможен ли созыв Вселенского собора православными!» (редактор католического журнала «Ориенс» Я. Урбан (Краков), «Наука православной церкви об обязательстве кающихся грешников» (виленский профессор И. Свирский), «О возможности унии в России» (униатский священник из д. Таракани Дрогичинского уезда Д. Новицкий). Как видим, затрагивались нередко глобальные и не бесспорные вопросы.

С 1932 г. началась постепенная ликвидация существующих униатских парафий, остановилось открытие новых. В отличие от своего предшественника З. Лозинского новый пинский бискуп К. Букраба осуществлял наступление на униатство. В ответ на заявления верующих обычно направляли ксендзов, которые стремились тотчас же перевести тех в католичество. Разрешалось преподавать религию только по-польски. В течение 1934-1938 гг. отцы-студиты безуспешно добивались от польских властей в Столине и Бресте разрешения на строительство униатского храма в д. Колки Столинского уезда. Подготовленные стройматериалы в это время гнили.

Несмотря на изменение условий деятельности, всё-таки униаты продолжали заниматься миссионерской, культурно-просветительской, благотворительной работой. В 1933 г. в д. Любешов Камень-Каширского уезда расположился филиал ордена капуцинов. Голландские отцы-капуцины смогли построить там часовню и освятить её 7 сентября 1935 г. Они проводили большую миссионерскую деятельность. Их 30 учеников из местных детей должны были стать «пионерами миссионерской работы на этой территории» (14). Монах-фельдшер Ф. Орфиковский оказывал местному населению бесплатную медицинскую помощь. Основанная в 1935 г. униатская парафия в Любешове была немногочисленной (около 60 человек), испытывала финансовые трудности. Капуцины же имели под своей опекой также 2 филиала монашеской общины Дочерей Пречистой Сердца Девы Марии в Любешове (во главе с М. Гоно) и д. Угриничи

(Ю. Болбат, Е. Карвовска).

Однако количество верующих-униатов неуклонно снижалось. Хотя в исторической литературе и архивах нет точных данных (об этом чуть ниже), тем не менее можно проследить эту тенденцию на примере Полесья. Если в 1932 г. там насчитывалось 5 тысяч униатов (15) (по другим сведениям – около 6 тысяч (16), то к 1936 г. – немногим более 3 тысяч. Согласно же А. Мартоса, количество униатов осталось на Полесье примерно на том же уровне (17). К 1939 г. в Пинской диоцезии было всего 11 парафий: в д. Збураж (Брестский уезд), д. Бобровичи (Косовский уезд), д. Городная, Ольпень, Колки (Мерлинские хутора) (Столинский уезд), возле Лемяшевич (Пинский уезд), д. Таракани (Дрогичинский уезд), Пинске, Столбцах, Любешове (Камень-Каширский уезд), д. Готовичи (Сарненский уезд) (18).

Даже в условиях затухания деятельности униатских парафий православные церковные власти проявляли свою обеспокоенность. Вот выдержка из бюллетеня о состоянии миссионерской деятельности в Полеской епархии в мае 1933 г. «Латино-униатская пропаганда проявилась с особенной настойчивостью в с. Готовичи Сарненского уезда (ее проводил униатский священник Величковский – А.В.)... Продолжает развивать «неутомимую деятельность» в пределах Лемешевичского прихода Пинского уезда неоднократно упоминавшийся униатский ксёндз Зенон Каленюк. ...Он обратился к жителям д. Кривичи названного прихода перед праздником Св. Пасхи на имя солтыса д. Кривичи с письменным предложением освятить бесплатно пасхи...» (19).

Миссионерские центры, униатские храмы нашли своё место в культурной жизни западнополесского региона. Они являлись своеобразными культурно-просветительскими центрами. Одним из них была униатская парafia в д. Ольпень Столинского уезда (основана в 1926 г.). В 1926-1935 гг. там проводил богослужения священник В. Оношко (1899-1966). Под его руководством были построены часовня, плебания, клуб (прозвали его ремизой). Проповеди звучали по-белорусски. В клубе показывались белорусские театральные постановки. Был организован оркестр. В. Оношко пользовался авторитетом у местного населения, особенно у молодёжи. Более 10 учащихся с его благословения поступили в духовные семинарии.

Местные православные священники, которые пренебрегали в богослужениях родным языком верующих, не могли мириться с существованием рядом униатской парафий. В своих отчётах за 1932 г. они называли следующие причины роста популярности В. Оношко: «Близость и бесплатная услуга униатского ксёндза. ... Молодёжь привлекает музыка и пение, а детей – конфеты униатов...» (20). «Униатский ксёндз Оношко, вторгаясь всё чаще и чаще в пределы Оздамичского прихода, ведёт свою пропаганду невероятно нахальным, низким, преступным образом», – так

отозвался один из православных церковнослужителей (21). А вот что докладывал своему начальству давид-городокский благочинный 16 января 1935 г.: «Пребывание в Ольпене ксендза «восточного обряда» Вячеслава Оношко очень вредно отзывается на жизни всех окрестных приходов...» (22). Именно принципиальная гражданская позиция В. Оношко, его активная просветительская работа испугали административные власти. Поэтому он и был переведен на Новогрудчину. Эта неординарная личность оставила о себе хорошую память. Жители Ольпена и окрестных деревень запомнили В. Оношко как милосердного человека, который бедных венчал, хоронил бесплатно (23). А вот высказывание белорусского католического священника, поэта Я. Германовича о В. Оношко: «Редко где мне доводилось встречать таких искренних, набожных и жертвенных священников» (24).

Хоть и с трудностями, но его дело по возрождению униатства продолжал белорусский священник П. Татаринovich (1896-1978). С 1932 г. он также проводил богослужения в Городной, на Мерлинских хуторах. Он проявил себя талантливым оратором, был автором нескольких книг и множества статей, занимался литературными переводами. Приходилось оказывать помощь в миссионерской деятельности другим униатским священникам. В частности, ездил к ксендзу З. Каленюку на Пинщину (25).

В условиях умышленного ограничения униатства со стороны польских властей работать в парафиях становилось труднее. После В. Оношко с октября 1936 г. продолжал униатскую деятельность в д. Ольпень Столинского уезда иеромонах-студит Януарий. А накануне II Мировой войны неоунией там занимались украинцы – священник С. Гладун, псаломщик М. Куц. В секретной переписке полесского воеводы от 14 января 1939 г. отмечалось, что на Мерлинских хуторах проводилась украинизация. В другом документе польские власти были обеспокоены, что в Ольпене осуществляется «агрессивное строительство белорусского национализма» (26).

Всеческие препятствия испытывал и униатский священник-белорус Л. Горошко (1911-1977). После окончания в 1936 г. Львовской греко-католической академии он примерно один год учился в Инсбруке. 17 октября 1937 г. митрополит А. Шептицкий благословил во Львове своего ученика, а бискуп М. Будко дал ему сан священника. На протяжении 1937-1939 гг. Л. Горошко имел службу в Любешове, Угриничах, Городной. Как отмечалось в отчетах административных властей, Л. Горошко с псаломщиком М. Яструбецким проводил «отчетливо украинскую агитацию, враждебную польскости» (27). Со стороны властей делались всевозможные ограничения: отказали в возможности учить детей религии в школах, что вынудило священника заниматься этим в часовне на клад-

бище, запрещали репетиции церковного хора, собрания верующих и даже контакты с ними. Постоянной практикой были штрафы. Только в 1937 г. парафия униатов в Городной была оштрафована на общую сумму в 200 злотых (28). Не случайно, что в одном из писем к священнику В. Толочко Л. Горошко писал: «Нудно мне в Городной, поэтому душой вынужден тотчас же стремиться, чтобы куда-нибудь перевели» (29). Невыносимые условия работы вынудили Л. Горошко переехать в Столбцы, но накануне войны он был выселен в Малориту.

Довольно непростая ситуация сложилась в д. Утриничи возле Любешова, где в 1936 г. была закрыта униатская парафиальная церковь. Любешовские монахи решили открыть часовню в частном доме. Верующие купили дом и организовали там часовню. Однако в июле 1939 г. власти опечатали униатскую часовню в Утриничах. Об этом возмутительном факте произвола писали некоторые польские журналы, отмечая, что «в Утриничах Христос оказался под арестом» (30).

Следует отметить, что на Полесье в ходе проведения неоунии не доминировал отчетливо белорусский или украинский акцент. Это связано было, во-первых, со спецификой данного региона белорусско-украинского пограничья, во-вторых, незавершённостью процесса формирования национального самосознания полешуков, в-третьих, архаичностью мировоззрения и уклада жизни местных жителей-полешуков. Кроме того, собственно западнобелорусское и западноукраинское национально-освободительное движение проявило недостаточный интерес к многочисленным униатским парафиям на Полесье. Не случайно, что большинство греко-католиков межвоенной Польши проживало именно в Западной Украине. Однако даже в условиях многочисленных ограничений и препятствий униатство на Полесье имело элементы белорусизации и украинизации, хоть это и не придавало ему здесь определённого национального колорита. Если учитывать униатские конференции в Пинске, объединённую миссионерскую деятельность, то в определённом смысле на Полесье происходил польско-украинско-белорусский конфессиональный диалог. Безусловно, что из западноукраинских земель оказывалась поддержка полесским униатам. Львовские греко-католики пристально следили за ситуацией в западнополесском регионе, но изменить ее к лучшему не могли.

До сих пор в различных источниках подается разнообразная статистика относительно униатов на западнобелорусских землях в целом. Следует согласиться с мнением исследователей, что оперировать цифрами верующих-униатов надо осторожно (31). Согласно журнала «Przegląd Katolicki» (1927, 31 июля), в 1927 г. в Западной Беларуси было 20 тысяч униатов, 14 парахий (ещё 7 были в стадии организации). Эти же цифры

перекочевали и в монографические исследования (32). А по сведениям польского министерства вероисповеданий и публичного просвещения в 1929 г. неоуния насчитывала 17 тысяч верующих, 28 парафий. Таким образом, в конце 1920-х гг. наблюдался наибольший подъем униатского движения. Хотя надо предполагать, что указанные цифры были завышены (33). А в 1930-е гг. происходил упадок униатских парафий. Согласно данным И. Косяка, в Западной Беларуси в 1935 г. осталось всего около 12,5 тысяч верующих-униатов (34). А накануне II Мировой войны на западнобелорусских землях было 7,7-10 тысяч униатов (35).

Почему же униатская акция не нашла широкого отклика у населения Полесья и всех западнобелорусских земель? На наш взгляд, на это повлиял целый ряд политических, экономических, социально-психологических, конфессиональных и других факторов. Слабость неоунии была следствием ее просчётов в подборе кадров священников, миссионеров, бедности ее материальной базы, финансовых трудностей. Униатство не смогло стать серьёзным конкурентом католической и православной церквям, так как отсутствовала политика протекционизма ему со стороны государства. Более того, польские власти на местах всячески препятствовали неоунии, преследовали униатских священников. Униатские традиции с трудом восстанавливались в религиозном сознании полешуков. Униатские «еретики» стали неудобными не только для православных священников, но и католического клира. Несмотря на это, униатство переживало процесс возрождения, постепенно приобретало национально-культурную самобытность, противодействовало ассимиляции местного населения.

Примечания:

1. Stepien S. Nowa unia kościelna. Obrządek bizantyńsko-słowiański // Polska-Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa. Przemyśl, 1994. N. 2. S. 151; Сивицький П. Неоунія // Календар «Благовіста» на 1992 р. Гурово-Ілавецьке, 1992. С. 68.
2. См.: Мараш Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918-1939 гг.) Мн., 1983.
3. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.). Мн., 1998. С. 207-208.
4. Сивицький П. Указ. соч. С. 72.
5. Piotrowicz W. Unija czy demonstracja. Wilno, 1931. S. 10; Nowe formy unji kościelnej w Polsce. Słonim, 1932. S. 63, 86.
6. Божим шляхам. 1955. № 64-65. С. 12.
7. Согласно: Statystyka Polska. Drugi powszechny spis ludności z dnia 9.XII.1931. Warszawa, 1936.
8. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 2059. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
9. Там же. Д. 80. Л. 13.

10. Stepień S. Op. cit. S. 168.
11. ГАБО. Ф. 2059. Оп. 2. Д. 547. Л. 169.
12. Piotrowicz W. Op. cit. S. 48.
13. Tabiński P. Akcja unijna a krytyka Polska. Warszawa, 1932. S. 27.
14. ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 263. Л. 10.
15. Borowski E. Diecezja Pińska, jej powstanie, dzieje, stan obecny. Drohiczyn nad Bugiem, 1991. S. 7.
16. ГАБО. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 2928. Л. 6 об.
17. Мартос А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Буэнос-Айрес, 1966. Мн., 1990. С. 267.
18. Stepień S. Op. cit. S. 167.
19. ГАБО. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 83. Л. 61.
20. Там же. Д. 2941. Л. 33 об.
21. Там же. Д. 82. Л. 3.
22. Царква. 1999. № 4. С. 12.
23. Царква. 1996. № 3-4. С. 21; 1999. № 4. С. 13.
24. Божым шляхам. 1966. № 2. С. 10; 1979. № 150. С. 22-23.
25. ГАБО. Ф. 2059. Оп. 1. Д. 83. Л. 97.
26. Спадчына. 1992. № 5. С. 77.
27. ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2835. Л. 3.
28. Божым шляхам. 1955. № 64-65. С. 11.
29. Библиотека АН Литвы, ф. 21, д. 687.
30. Божым шляхам, 1949. № 11-12. С. 9
31. Stepień S. Op. cit. S. 166-167.
32. Мараш Я.Н. Указ. соч. С. 13, 15.
33. Stepień S. Op. cit. S. 166.
34. Касяк І. 3 гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу. Нью-Йорк, 1956. С. 56.
35. Gomółka K. Białorusini w II Rzeczypospolitej. Gdańsk, 1992. S. 130; Тупонак Ю. Міжваенная унія ў Заходняй Беларусі // Спадчына. 1992. № 5. С. 75.

Summary

A. Vabishchevich (Brest)

From the History of Religious Life on Western Belorussian Lands in 1920-1930: the Uniats on Polesye

The process of the revival of the Uniat church on Polesye and in general in Western Belarus in 1920-1930 is investigated. The author points out that a number of facts didn't allow neouniat movement to become popular, but it acquired national-cultural originality and opposed the assimilation of the population of Western Belarus.